

Бровничный Кирилла

Ясное дело

Кирилла Бровничный

Ясное дело

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29186438

SelfPub; 2018

Аннотация

Действительно ли человек – кузнец своего счастья? Или является заложником собственной судьбы. И что есть жизнь? Возможно просто – переплетение судеб и дорог, кольцевых или уходящих в бесконечную даль..? А может быть, и то, и многое другое происходит одновременно...

Кирилла Бровничный

2017

*Моим дедушкам, бабушкам,
родителям и детям*

Ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы явным,

*ни сокровенного,
что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы.*

Евангелие от Луки

Никогда нельзя с уверенностью сказать, что всё, что происходит в этой жизни, происходит на самом деле. По большей части, конечно, всякое событие, воспринимается нами как абсолютная реальность. И для этого нам не нужно прилагать никаких усилий. По обыкновению, ни одному нормальному человеку, не придёт в голову искать какие-то доказательства и подтверждения своего земного существования. Однако, бывает так, что со временем, что-то из произошедшего забывается, оставляя нам лишь смутные обрывки воспоминаний, и тогда уже невозможно точно сказать, где кончается правда и начинается вымысел.

Тот сентябрьский день, уже с утра обещавший быть погожим и солнечным, кроме отсутствия тяжелых серых облаков поливавших дождём город последние дни, казалось, уже ни чем, не мог отличиться, в череде будней. Так же бойко катились трамваи, поскрипывая на поворотах, сновали голуби под ногами прохожих, и старушки, скорее по привычке, нежели по необходимости, осаждали продуктовые магазины и поликлиники.

Убаюканные этим, казалось бы, веками незыблемым, постоянством, город и его жители, едва могли бы предполо-

жить, что этот день положит начало невероятной и удивительной истории, произошедшей с ними где-то в середине времён на задворках бескрайней вселенной.

I

*Смех да слёзы, а чем ещё жить
И если песню не суждено допеть
Так хотя бы успеть сложить*

К. Кинчев

1

– Нет. Больше ничего не надо. Отправляйте как есть. Да. Всё. Давайте. -

Иван бросил трубку и через стол окинул взглядом посетительницу, сидевшую, напротив.

– Значит дело в следующем... как, говорите, вас...? -

– Даша –

– Очень хорошо. Так вот, Даша. Дело, можно сказать, государственного масштаба. Партия поручает вам самое ответственное задание, которое только могла придумать.

– Вот эту бутылку – Иван продемонстрировал поллитровую бутылку «спранты», упакованную в полиэтиленовый пакет, обклеенный бумажками и этикетками, с надписями на иностранном языке, с множеством печатей и подписей.

– Нужно продать! – Дашка понимающе кивнула.

– Но продать не абы кому! -

– Как вы наверняка знаете, сейчас у нас проходит очередная рекламная кампания. И там – Иван многозначительно посмотрел в потолок, указав на него пальцем – на этот раз решили взять дело под личный контроль.

– То есть, под этой крышкой – Иван потряс пакетом с бутылкой, – Находится промокод главного приза рекламной акции. А это – ни много ни мало – один миллион евро.

– Последний скандал, организованный нашими конкурентами, обвинившими нас в нечестной игре, кое-как удалось замять. Помните наверняка, весь этот шум-гам в прессе и интернете, по поводу того, что «Spranta» якобы проводит часть призового фонда через своих подставных лиц. В общем, в результате всей этой заварухи, как я уже сказал, там, наверху решили, что эта бутылка должна быть продана через розницу совершенно случайному покупателю, чтобы как говорится, комар носа не подточил. -

Иван разорвал пакет, достал бутылку газировки и протянул её Дашке.

– И да. Чуть не забыл. Самое главное. Покупатель, должен быть в возрасте приблизительно от 16 до 25 лет. Где-то так. Дело в том, что в соответствии с правилами проведения этой рекламной акции, счастливый обладатель главного приза, обязан будет давать всевозможные интервью. Правда, он, скорее всего об этом пока не догадывается, потому как,

мало кто читает эти самые правила, приобретая акционный товар. Но, когда он придёт за своими деньгами, и узнает об этом, я уверен, согласится не раздумывая. Поэтому, Даша, будьте внимательны. Молодёжь – это наше всё. Стратегия нашей компании ориентирована именно на этот сегмент потребительского рынка.

Дашка с недоверием покосилась на генерального и осторожно взяла бутылку обеими руками.

– А если эти... конкуренты-то опять чего затеют? Так меня обвинят в том, что я продала бутылку кому-то из своих, и я окажусь невинной жертвой в конкурентной борьбе транснациональных корпораций. -

Иван улыбнулся.

– В успешном выполнении этого задания, лично заинтересованы акционеры компании, Даша. Поэтому, насчёт конкурентов не беспокойтесь. В этом плане, вы под надёжной и незримой защитой самых высоких сфер. Ну, а если, вы действительно, впарите лимонад кому-то из своих, то рано или поздно это выяснится, и тогда меня, Даша, зацементируют в тазике, и сплавят вниз по течению, прямо отсюда, с Пресненской набережной. Благо далеко ходить не надо. В этом случае, я сами понимаете, вас уже ни в чём обвинить не смогу. -

Дашка посмотрела на Ивана с беспокойством.

– Генеральный директор вызывает к себе рядового промутера, даёт секретное задание. Мыслимо ли дело? Чудно ей богу... -

– Вы же знаете, Даша, как у нас всё делается – Перебил её Иван. Представьте себе, в каком виде всё это дойдёт до вас, я имею в виду и бутылку и смысл задания, если конечно дойдёт, действуй я установленным порядком. Скорее всего, будет как в анекдоте: Не рубля, не топора, рубль должен и всё правильно. В общем, концов не соберёшь, и спросить не с кого будет. И это даже в том случае, если никто в той цепочке не будет иметь представления об истинной ценности предмета. -

– Оно это, так-то, да – согласилась Дашка.

– Вот и я про то же. Так, что не будем терять времени, Даша. И если, что звоните. -

Иван протянул Дашке визитную карточку и заговорщицки подмигнул.

2

Одним ранним воскресным утром, поезд Владивосток – Москва, прибыл на Ярославский вокзал точно по расписанию. Из последнего вагона вышла девушка с сумкой и чемоданом. На вид лет восемнадцати, никак не старше двадцати. Среднего роста. Под светлым летним платьицем угадывалась, не худая, но стройная фигура. Черные лакированные туфли, явно были новые и надеты в первый раз. Белые носочки смотрелись по-детски умильно, что ничуть не испортило первого впечатления, а скорее наоборот. Светлые воло-

сы были заплетены в косы, но несколько выбившихся волнистых прядей, упрямо спадали на глаза светло-серого цвета, из-за чего в сосредоточенном взгляде, нет-нет, да и проскакивала озорная девчачья искринка. Аккуратный ровный нос, чётко очерченные губы, и едва заметные ямочки на щеках. Всё это создавало ту самую, немудрящую, но неповторимую красоту, коей природа наделила жительниц среднерусской полосы.

Звали эту девушку Анна Николаевна Новосёлова, но в родной деревне Климцево Костромской области все называли её просто Аней.

Девушка, попрощалась с проводницей и, отойдя от вагона, остановилась посреди перрона залитого первыми лучами июльского солнца. Оглядевшись вокруг, одёрнула платье и, смахнув непослушные прядки со лба, улыбнулась. Москва.

В том же 1997 году, успешно сдав вступительные экзамены, абитуриентка Аня Новосёлова, была зачислена на первый курс историко-филологического факультета РГГУ с правом получения места в студенческом общежитии. Первые полгода прошли в аудиториях университета и ночных бдениях за учебниками и конспектами в стенах своего нового жилища, на самом южном краю столицы. Но новый мир, новые люди, новые возможности, приветливо раскрывали свои объятия, перед которыми невозможно было устоять.

Так, на первом своём праздновании дня студента, Аня

оказалась в компании одного из представителей плеяды свободных художников, некого Игоря – поэта, музыканта и, конечно же, философа. Вся эта философия продлилась три месяца, и, пройдя стадии экзистенциализма и неофрейдизма, материализовалась в четыре недели беременности. На тот момент Игорь уже был на очередных гастролях, с которых, конечно, же, не вернулся, видимо затерявшись в бескрайних просторах самопознания.

В положенный срок родилась девочка, которую Аня перевезла к матери в Климцево, в результате чего ночные бдения, уже всё чаще, стали проходить в плацкартах и общих вагонах железной дороги ярославского направления.

Несмотря на всё это, Аня окончила университет с «красным» дипломом и устроилась корректором в один из новомодных «глянцев», который со временем трансформировался в издательский дом с громким именем, прочно занявшим лидирующие позиции в области «fashion industry» на всём постсоветском пространстве.

Через несколько лет, заместитель главного редактора издательского дома «Fashion light» – Анна Николаевна Новосёлова, прибыла в родное Климцево, не по железной дороге, а по асфальтовому шоссе, на собственном автомобиле «Лексус» красного цвета. Но тогда девочка отказалась ехать с матерью в Москву, сочтя это за предательство по отношению к бабе Кате, соседке тёте Клаве, Михаилу Ивановичу, – своему школьному учителю, и дворняге Пирату. Больше в Климце-

ве предавать было некого.

Однако, шли годы и становилось всё очевиднее, что переезд в Москву – всего лишь вопрос времени, и в один из очередных приездов, Анне удалось убедить в этом дочь, на встречном условии, что Пирата возьмут с собой. Но старый Пират, твёрдо решивший провести остаток своих дней на родине, в чём баба Катя была полностью с ним солидарна, категорически отказался залезать в машину, отчего прощание затянулось и получилось более драматичным и слёзным чем ожидалось.

Так, уже через неделю, после выпускного, Даша Новосёлова впервые оказалась в Москве. Первое время с непривычки дичилась, то ли от того, что стеснялась своего североволжского наречия, то ли от того, что случайные прохожие во дворе с опаской и недоверием реагировали на её приветствия. Поэтому поступление в ВУЗ решили отложить до следующего года. Анна планировала устроить Дашку к себе на работу, с целью адаптации к жизни в столице, но Дашка категорически отказалась работать под началом своей матери, видимо, сказались отцовские гены. Уже через пару месяцев стала пропадать вечерами во дворе, в теремке на детской площадке, в компании своих сверстников. Результатом чего, стало шокирующее сообщение о том, что при протекции одной из своих новых подруг, собирается стать промоутером в «Спранте» – компании, нещадно эксплуатирующей образ Санта-Клауса в рекламных целях, и чью безалкоголь-

ную продукцию с удовольствием распивают в любом уголке земного шара. Полпачки валерьянки и бессонная ночь, прошедшая в горячей дискуссии с дочерью сломили сопротивление Анны Николаевны и на рассвете она сдалась.

Таким образом, через несколько дней, посетители и служащие парка Горького стали обращать внимание на эффектную блондинку на роликах, в фирменной красной бейсболке с лэйблом известной торговой марки и с таким же рюкзаком за плечами, бойко предлагающую прохладительные напитки отдыхающим.

Возможно, всё так и продолжалось бы, если бы в один прекрасный день, прямо с утра Дашке не позвонила встревоженная супервайзер Тамара, сообщившая, что генеральный директор, без объяснения причин, срочно затребовал к себе на аудиенцию одного из промоутеров работающих в парке Горького. Так же Тамара уверила, что взвесив все «за» и «против», решила делегировать к нему Дашку, как самого достойного и надёжного сотрудника, хотя было понятно, что Дашке, как «новенькой», выпала роль козла отпущения.

Вот так и оказалась, в тот погожий сентябрьский день, Дарья Новосёлова, на 88 этаже «Конфедерации» в кабинете Ивана Сергеевича Нежина – генерального директора российского представительства компании «Spranta».

– Егор, вставай! Время уже почти восемь. Я ухожу. –

– Да, мам, я уже встаю –

– Ты не забыл, что у тебя сегодня в одиннадцать аэродинамика? –

– Да помню, ма, помню! -

Егор приоткрыл глаза, и лежал некоторое время, не шевелясь, рассматривая тень на потолке, прислушиваясь к шорохам в коридоре. Прошло ещё несколько секунд, прежде чем, наконец, услышал, как хлопнула входная дверь, звонко щёлкнули ключи, несколько раз повернувшись в замке, и стук торопливых шагов растворился на этаже.

– Ещё пять минуточек – успел пробормотать Егор, снова закрывая глаза.

Когда проснулся окончательно, комната уже была полностью залита солнечным светом. Первая мысль была вскочить, и по-быстрому собравшись рвануть в «универ» на передачу аэродинамики – «хвост», что весел с прошлого курса. Свесив руку с кровати и пошарив по полу, нащупал смартфон и рывком поднёс к глазам. Часы на экране оповестили о том, что сегодня торопиться уже было некуда.

Спустив ноги с кровати, просунул их в тапочки и кое-как, поднявшись, добрёл до кухни. Постоял у окна, держась за подоконник, пытаюсь оживить в памяти события вчерашнего вечера, как если бы созерцание города с высоты восьмого этажа могло дать хоть какую-то подсказку. Потом сел за стол и обхватив голову руками, стал разгребать пальцами непо-

слушные волосы. Помогло.

«Пару пива» с Мишкой по дороге из «универа» вспомнил отчётливо, далее фрагментами. В последнем кадре, увидел себя, отвешивающего хорошего пендаля Ирке-истеричке из соседнего подъезда. В общем, один из заезженных образцов коллекции «наше старое кино». Ничего нового из-за чего стоило бы переживать. Успокоившись, Егор почувствовал, невыносимую жажду. Откуда-то из глубин затуманенного сознания выплыл образ искрящегося водопада разбивающегося брызгами об дно заиндевевшего стакана, наполняющегося тёмной тягучей субстанцией состоящей из тысячи сверкающих пузырьков, стремительно несущихся наперегонки вверх, и разрывающимися маленькими фонтанчиками на поверхности.

– А-а – простонал Егор и снова обхватил руками голову. Через секунду, вскочил, метнулся в ванную, ополоснул лицо холодной водой и выскочил в прихожую. С разбега запрыгнул в кроссовки, и, накидывая на ходу жилетку, выскользнул за дверь.

4

– Пират! Пират! Где ты, турок нетуношный? -

Баба Катя, подняла старую миску с черными пятнами отколотой эмали, что валялась перевёрнутой в траве рядом с конурой. Подойдя к бочке, зачерпнула дождевой воды и об-

мыв внутренность миски рукой, выплеснула в огород. Поставила миску перед входом в конуру и аккуратно вывалила в неё содержимое кастрюли, соскребая остатки со стенок ребром ладони. Подумав несколько секунд, с трудом нагнулась, и докуда могла дотянуться, собрала с травы остатки собачей еды разбросанные вокруг, добавила в миску.

– Войны на тебя нет, окаянный. -

С тех пор как уехала Даша, старая женщина всё чаще стала разговаривать с собакой. Пират, отвечал ей пронзительным взглядом, той глубокой и безграничной тоски, которую можно встретить только в собачьих глазах.

Вечерами сидя на ступеньках крыльца, отдыхая от дневных забот, всё чаще стала вспоминаться бабе Кате её прожитая жизнь, те далёкие события минувших лет, которые, как ей казалось, были забыты навсегда. В такие минуты, старый пёс, улавливая своим собачьим чутьем, настроение хозяйки, подходил и, устраиваясь рядом, клал свою большую чёрную голову ей на колени. Поглаживая собаку за ухом, печально всматривалась баба Катя, за горизонт, туда, где оранжевый диск медленно опускался за кромку леса, расцветившая янтарём верхушки деревьев, как будто пытаясь укрыть перед сном весь этот лесной океан, пестрым одеялом, сшитым из бронзово-медных и багряных лоскутов.

Так, почти каждый вечер, провожали осенний закат, человек и собака, вздыхая каждый о своём.

В начале июля 1941 года, в соответствии с приказом о

всеобщей мобилизации несколько человек из деревни Климцево были призваны в ряды Рабоче-крестьянской Красной Армии. Среди них Алексей Алексеевич Новосёлов 1918 года рождения. Ранним утром 6 июля, Антонина Новосёлова, держа на руках трёхмесячную Катюшу, провожала мужа на фронт. Перед самым расставанием, сунула в руку Алексею маленькую, иконку Богородицы, что передавалась в роду Антонины по женской линии с незапамятных времён.

– Ты-то как? – пытался отказаться Алексей.

– Ничего. Тебе нужней. Вернёшься с войны и отдашь. –

– Катюшу береги – шепнул Алексей, обнимая жену.

Потом поцеловал дочку и запрыгнул в кузов грузовика, который резко взяв с места, растворился через несколько мгновений в облаке пыли.

Осенью 41-го, Антонина Новосёлова, понимая, что одна с грудным ребёнком вряд ли сможет пережить зиму, приняла предложение соседа Антипа Ермолаевича, перебраться к его сестре в Ярославль.

Ермолаич поведал, что ещё «давеча» имел на этот счёт разговор с сестрой, которая была рада такому соседству, потому как всю жизнь прожила одна, без детей, после того как похоронила своего мужа через полгода после того как вступила в брак. Было это в далёком 25-м году. В Климцево поговаривали, что его якобы расстреляли, но никто толком не знал, за что и было ли это так на самом деле.

– Так-то и Светланке моей повеселей будет и тебе с дитём

полегче – размышлял в слух старик Ермолаич по дороге, отправившись в Ярославль вместе с Антониной в качестве сопровождающего и с оказией навестить сестру. Но, как говорится, из огня да в полымя.

Они прибыли в Ярославль в тот злополучный день, 6 ноября 1941 года, в тот самый момент, когда немецкие He-111 начали массированную бомбардировку Московского вокзала, сбросив на него почти сотню фугасных бомб. Антонина с Катюшкой погибли на месте, сам Ермолаич был ранен, о чём и поведал жителям Климцева, когда через месяц вернулся домой, напрямиком из больницы, в которой пролежал три недели. Рассказывал, что видел собственными глазами, как «бонба» разорвалась прямо под ногами у Антонины, когда они, выскочив из поезда, бежали неизвестно куда – лишь бы подальше от этого адского места.

Как-бы там ни было, но маленькая Катя тогда осталась жива. Когда собирали погибших, и то, что от них осталось, кто-то, среди бетонных, деревянных и железных обломков, наткнулся на маленький свёрток. Предусмотрительная Антонина, ещё в начале пути, догадалась засунуть внутрь пакет с метрикой дочери.

Налёты «Люфтваффе» на стратегические объекты Ярославской области начались ещё в августе, а в октябре происходили почти каждый день. Санитарный состав на станции Козьмино, Игнатово, Сосковец, Пантелеево. Эшелон с детьми из блокадного Ленинграда близ деревни Почеснови-

ки, в котором погибли почти все. Но, как ни странно, тогда повезло Костроме.

Рассказывают, что Ольга Чехова – потомок великого писателя, ещё в тридцатые годы, отдыхая в этом старинном русском городке, чуть было не утонула в Волге. Якобы, какой-то молодой парень спас её тогда, но сам не смог выбраться из воды и погиб. Говорят, что во время войны Ольга Чехова находилась в Берлине и «вращалась», как это принято сейчас говорить, в самом высоком обществе третьего рейха, и что она лично попросила, командующего немецкой авиацией Германа Геринга, о том, чтобы не трогали город, в котором она получила свое второе рождение. И он обещал выполнить просьбу, очарованный её красотой. Правда это или нет, – кто знает? Но Кострому не бомбили.

Когда выяснилось, что девочка жива и здорова, обнаружили и пакет. О том, что мать её, Антонина Новосёлова, погибла, выяснилось сразу, на месте, у Антонины были при себе документы. Сделали запрос в Климцево, но узнав, что отец девочки на фронте, а других родственников у неё нет, оставили в доме малютки.

Антонину похоронили там же, на Туговой горе. В результате той катастрофически сложной обстановки, которая сложилась в первый год войны, с её локальной неразберихой со связью, о том, что девочка осталась жива, в Климцеве узнали только через год, а сама Екатерина Новосёлова вернулась

в родную деревню только через 14 лет, которые провела в детском доме города Ярославля.

Соседи приняли девочку сдержанно, не о чем не расспрашивая и только Ермолаич, выбравшись из толпы, подошёл к ней, обнял и горько заплакал. Потом отколотил доски, которыми были забиты окна и дверь и ушёл к себе в дом. Бабы повздыхали и тоже потихоньку стали расходиться, удивляясь между собой такому проявлению чувств стариком, потому, что никто никогда не видел, чтоб он собственных-то детей баловал подобным образом.

С тех пор Катя одна вела хозяйство и каждый день ждала, что вернётся отец, числившийся к тому времени пропавшим без вести. Была скромна и трудолюбива, с людьми ладила, но замуж вышла поздно, – уже почти в сорок лет. Был ли это последний вагон уходящего поезда, как многие в деревне считали – сказать трудно. Чужая душа потёмки. Но жили складно, не скандалили. Вот, казалось бы, и наступило тихое счастье. Была Екатерина, уже на девятом месяце, когда середь бела дня, примчалась соседка Клавдия и плача, рассказала, что в административном здании леспромхоза случился большой пожар и, что, муж Екатерины – Николай, сторел, вытаскивая людей из огня. Екатерина молча сползла по стене и уселась на ступеньки крыльца. Через минуту, также, не проронив ни слова, вскочила и выбежала на дорогу. Пометавшись на одном месте по сторонам, сообразила, и побежала в ту сторону, где за лесом поднимался чёрный столб дыма. Деревенские

бабы ринулись за ней, но смогли догнать лишь тогда, когда она, пробежав почти полкилометра, упала посреди дороги и так и лежала, уткнувшись лицом в дорожную пыль, сотрясаясь всем телом в беззвучном рыдании, в окружении соседок, тщетно пытающихся привести её в чувство, пока не пришла машина и не увезла её в районную больницу.

Через неделю, когда соседка Клавдия и новый учитель Михаил Иванович, приехали за Катериной на стареньком «Москвиче», она уже ждала их на улице, сидя на лавочке рядом с приёмным отделением, держа на руках младенца завёрнутого в одеяльце. Увидев их, слабо улыбнулась, поднялась и пошла к ним навстречу. Михаил Иванович открыл дверцу и помог устроиться Катерине на заднем сидении. После того как Клавдия, в очередной раз убедилась, что ничего не забыли, тронулись в обратный путь. Всю дорогу ехали молча, боясь разбудить ребёнка. До Климцева добрались уже ближе к вечеру. Бабы и несколько мужиков, скучившись, ждали у забора Катеринино дома. Когда Катерина вылезла из машины, бережно прижимая к груди маленький свёрток украшенный красным бантом, дед Фома, что за свои девяносто лет «отломал» три войны, потеряв в последней троих сыновей, хромя отделился от толпы и, опираясь на палку, подошёл к ней. Осторожно поправив краешек одеяла, проговорил:

– Ты это, девонька, потерпи. Войну пережили и это переживём. –

- Да у меня, дед Фома, вся жизнь одна сплошная война. –
– Ничего девонька. Всяка война когда-нибудь кончается. –

Так оно и случилось. Вырастив и воспитав дочь Анну и внучку Дарью, Екатерина Алексеевна Новосёлова, вышла из этой беспощадной схватки с собственной судьбой безоговорочным победителем.

– Ну, что, Пиратка? Засиделись мы с тобой сегодня что-то?

Задремавший Пират вздрогнул и открыл глаза. Поднял морду и заглянул бабе Кате в лицо.

– Да. Да. Так-то. –

Солнце уже полностью скрылось за лесом. Туман слоями стелился над Тёбзой, и оттуда снизу, в деревню потянуло свежим холодком.

Пёс поднялся, отойдя, встряхнулся и нехотя побрёл в конуру.

Баба Катя приподнялась, обвела взглядом двор, потом огород и махнула рукой. Развернулась и, поднявшись по ступенькам, зашла в дом. Оставив у двери галоши, прошла до конца комнаты и остановилась у старого комода. Откинув кружевную салфетку, выдвинула верхний ящик и достала небольшой предмет, завёрнутый в платок. Села за стол, включила настольную лампу и надела очки. В платке у бабы Кати хранился мобильный телефон и половинка тетрадного листа, на котором крупными буквами от руки было на-

писано – ТАК ЗВОНИТЬ ДАШЕ. Далее на листке следовала пошаговая инструкция, какие кнопки куда нажимать и в какой последовательности. Баба катя, шевеля губами, проделала немудреную операцию в соответствии с предписанием, но перед тем, как выполнить последнее действие, поднесла трубку к уху, прислушиваясь, как будто пыталась удостовериться в том, что всё сделала правильно. Еще раз, оглядев телефон на расстоянии вытянутой руки, дрожащим указательным пальцем, нажала на большую зелёную кнопку и приложила к уху.

5

- Да, Миха, привет. –
- Да ничего. –
- Аэродинамика? –
- Молчи, грусть, молчи. –
- А что вчера? –
- Да ну её к чёрту. –
- В парк иду. –
- Подваливай. –
- Как обычно. У Голицынского. –
- Да я уже почти там. –
- Давай. –

Егор сунул смартфон в задний карман джинсов и двинулся дальше по Ленинскому в сторону центра. Миновал особ-

няк Пироговки, нырнул налево в Титовский проезд, потом прямо, мимо будки охранника, через несколько метров взяв правее, прошёл под Пушкинским мостом и, выйдя к Большому Галицынскому пруду, рухнул на скамейку напротив лодочной станции. Перевёл дух.

– Чуть-чуть осталось – успокоил сам себя Егор.

– Отдохну немного и туда, ближе к центру там, там точно есть. Из холодильничка. –

Чем ближе приближался Егор к заветной цели, тем ярче и реалистичнее становился образ чёрного сверкающего водопода.

– Вот, наверное, и беременные женщины так же – вспомнил Егор, вчерашний разговор с Серёгой на детской площадке, который, жалуясь на свою жену, рассказал, как та, разбужив его как-то, посреди ночи, отправила за мороженым.

– Всё-таки много у нас с женщинами общего – заключил Егор. От мысли, что он не одинок в своём безумии, и от ощущения солидарности с беременными женщинами всего мира, ему стало чуточку полегче.

И тут свершилось чудо. Силуэт на роликах в форменной одежде «Спранты» возник из ниоткуда и неумолимо двигался в его сторону.

– Есть Бог! – успел подумать Егор и зажмурился.

Когда снова открыл глаза, мираж не растворился, а наоборот продолжал невозмутимо приближаться, представляя в воспалённом сознании Егора в образе снегурочки или даже

самой снежной королевы, несущейся к нему на красно-белом облаке с мешком подарков за спиной.

Когда нимфа поравнялась с ним, Егор, собрав последние силы, окликнул:

– Холодненькая, красавица? –

– Сущий лёд! – ответила снежная королева, резко затормозив перед ним.

Села рядом, вытянула ноги и раскрыла свой рюкзачок, в котором помимо воды, возила на дне два куска сухого льда завернутые в целлофановый пакет.

Достала запотевшую бутылку и протянула Егору – Держи горемыка.

Егор принял бутылку, всё ещё сомневаясь в реальности происходящего.

– Дай, поцелую, красавица. –

– Поцелуй свинью под хвостик! – огрызнулась снежная королева. – Меня Даша зовут.

– Всё-таки многое нас ещё с ними разделяет – успел подумать Егор, отворачивая крышку зубами. Поднёс бутылку к губам, закрыл глаза и, запрокинув голову, сделал три затяжных глотка. После чего выдохнул, передёрнулся и, утерев слезу, протянул Дашке руку. – Егор. –

Дашка пожала протянутую руку.

– Что-то не в бойком месте торгуете, Даша – оживился Егор, сам не зная от чего перейдя на «вы».

– Устала я. Жарко там и народу много. –

Егор протянул Дашке бутылку.

– Не, спасибо. Я уже. Ты это... крышечку-то не выкидывай. –

– Чего так? –

– Там код на миллион евро. –

– А чего не на три? –

– Щас начальству позвоню, узнаю. –

– Ладно, ладно. Не кипятись. Миллион тоже хорошо. –

– Я на счёт крышечки серьёзно. Моё дело предупредить, а там как знаешь. –

Егор завернул бутылку и сунул в карман жилетки.

– Да, и анкетку надо заполнить. Это быстро. –

Дашка достала планшет.

– Фамилия, Имя, Отчество, мобильный телефон и мыло. –

Егор продиктовал свои данные, и Дарья зарегистрировала очередного претендента на главный трофей рекламной акции.

В это время на дорожке показался Мишка. Егор махнул ему рукой.

– Собутыльник твой? – поинтересовалась Дашка.

– Нет. Он не пьёт. –

– Закодированный? –

Егор не ответил, пряча улыбку.

– Привет молодёжь! – Мишка явно был в настроении.

– Ну, как ты, старичок? – растянул Мишка губы в улыбке.

– Да вот. Мир не без добрых людей – кивнул Егор на Даш-

ку.

– Познакомься. Дарья...не знаю как по батюшке. -

– Игоревна – вставила Дашка.

– Очень приятно. Михаил. -

– Михаил – троих удавил – отреагировала Дашка.

Мишка удивлённо посмотрел на Егора.

– На работе человек. Устал. – Егор снова улыбнулся, пытаясь сгладить неловкую паузу.

Дашка, не придав никакого значения этому эпизоду, откинулась на спинку скамейки, сняла бейсболку и расстегнула заколку.

Светлые волнистые волосы упали на плечи. Дарья была почти точной копией своей матери, но имела более утончённые черты лица, унаследованные от отца. Была повыше ростом, стройная, можно даже сказать, худенькая. Проще говоря – красавица, или как сейчас принято называть «девушка с модельной внешностью».

– Крашенные? – поинтересовался Мишка.

– Свои. –

– Можешь предоставить доказательства? –

– Дурак! – Дашка отвернулась.

– Да хватит вам – улыбнулся Егор. Ему заметно полегчало в последние минуты.

Был Егор самым обыкновенным московским пацаном. Жил с отцом и матерью в «двушке» большого «сталинского» дома на Ленинском проспекте, рядом с первой клиниче-

ской Пирогова. Звёзд с небес не хватала, но четвёртый год, худо-бедно тянул инжэкин МАИ по специализации «маркетинг и менеджмент в ракетно-космической технике». Уже пора было начинать диплом, но всё дело тормозила проклятая аэродинамика. Егор вздохнул, провёл рукой по своим тёмным волосам, закинув чёлку назад. Потёр подбородок, посетовав, на то, что не догадался побриться, просто потому, что не любил растительность на лице.

– Ладно. Хорошо с вами. Но поеду, а то Тамарка приедет, искать будет. – Дашка снова заколола волосы и надела кепку козырьком назад.

– Ты здесь каждый день? – поинтересовался Егор.

– Пока да. –

– И мы здесь почти каждый день – поддержал разговор Мишка.

– Я здесь часто отдыхаю – продолжила разговор Дашка, надевая рюкзачок. – Хорошее место, спокойное. –

– А чего-то мы тебя здесь никогда не видели? – не унимался Мишка.

– Не знаю. –

– Да мы здесь по вечерам в основном – присоединился Егор.

– Это сегодня просто так...получилось – уточнил, пряча взгляд своих тёмно-карих глаз.

– Спасибо тебе, Снегурочка. Может, ещё увидимся. –

– Может быть – пожалала плечами Дашка и, оттолкнувшись

от скамейки, покатила в направлении к центру парка.

Никто из этой троицы, не обратил внимания на неприметного мужчину в сером плаще, что, всё это время, сидел на одной из скамеек неподалёку, отщипывая от батона кусочки хлеба и бросая их голубям.

6

Чёрный «Х5», появился на парковке, перед центральным входом парка Горького на Крымском валу, минут за двадцать, до того, как Дашка прибыла на своё рабочее место, покинув гостеприимный кабинет на 88-м этаже «Конфедерации».

Вот уже третий час в нём томились двое мужчин. Окон не открывали, хотя день выдался ясным и тёплым. Большую часть времени сидели молча, лишь изредка перебрасываясь короткими фразами. В сосредоточенных лицах читались выдержка и терпение часовых почётного караула Мавзолея Ленина.

Наконец, один из них достал телефон из внутреннего кармана кожаной куртки, приложил к уху и внимательно слушал в течении секунд тридцати, после чего снова убрал телефон в карман и повернулся к напарнику.

– Ну, всё! Кукла пробочку сдала. Пацана можно брать. -

– Где он сейчас? –

– У Большого Галицынского. -

– Один? –

– Нет. С ним толстяк ещё какой-то. –

– О пробке знает? –

– Пока нет. –

В салоне Х5-го снова воцарилась тишина.

7

– Ну и зачем ты вчера Ирке пенчища ввалил? – снова расплылся в улыбке Мишка.

– Да, достала. –

– Девушка ревнует, беспокоится, а он драться – сел на любимую тему Мишка.

– Да я ей, что: муж, жених, парень, кум, сват, брат? Я её знать не знаю – разозлился Егор.

– Эх, брат, никогда не знаешь, где найдёшь, где потеряешь – продолжал веселиться Мишка.

– Кажется, уже знаю – как-то неопределённо ответил Егор.

– А-а! – с наигранным удивлением протянул Мишка. – Вот она горькая, сермяжная правда жизни. В действии. Путь к сердцу мужчины, всё же лежит через желудок. Точнее сказать... через горлышко. -

– Да отстань ты. –

– Ладно, не грусти, брат. «Всё пройдёт, пройдёт и это, ты сама со временем поймёшь» – промурлыкал Мишка слова знакомой песенки. – Чего делать-то будем? –

– Не знаю. Я домой, наверное – снова приуныл Егор.

– Тю! – расстроился друг. – Может по пивку? По одной. –

– Не, Миха, харэ. Сегодня матери про аэродинамику объяснить придётся. Что ж так всё не во время-то? – мотнул головой Егор.

– Ну, пойдём тогда. Чего высиживать? – Мишка поднялся.

– Пойдём. –

Неприметный человек в сером плаще, через несколько секунд тоже поднялся, стряхнул с себя хлебные крошки и двинулся следом.

8

– Заводи! – скомандовал, тот, что был в кожаной куртке, уже не выпуская телефона из рук.

– Куда сейчас? –

– На Ленинский. Гордей их ведёт. Сейчас из Титовского выйти должны. А там посмотрим. –

«Х5» плавно тронулся, и, урча, как огромный чёрный кот, поплыл параллельно садовому кольцу.

Внедорожник подъехал к Титовскому, как раз когда друзья попрощались, и Мишка начал спускаться в подземный переход.

– Походу толстяк отвалился – прокомментировал «кожаная куртка».

Тот, что был за рулём, несколько раз одобрительно кивнул головой.

– Гордей говорит, что он где-то здесь живёт. Так, что во дворе и возьмём. –

Водитель бросил взгляд в сторону Титовского, где чуть в глубине смог различить силуэт в сером плаще. Гордей едва заметно махнул рукой вправо от себя.

Егор дошёл до своего дома, свернул направо, через несколько метров налево и оказался во дворе. Посередине дороги проходящей вдоль подъездов опять чего-то ремонтировали. Люк от колодца пожарного гидранта лежал рядом с зияющей дырой, огороженной металлическими заборчиками.

Егор достал из кармана бутылку «Спранты» и улыбнулся.

– Не тащить же мусор домой? – подумал про себя.

Допив остатки, повертел жёлтую крышку в руке и зафутболил вверх.

Крышка, кувыряясь, взмыла в воздух, потом, упав с высоты на асфальт, несколько раз подпрыгнула, доскакала до металлических ограждений, и, описав пару кругов вокруг собственной оси, юркнула в открытый колодец.

Егор проводил её взглядом и пошёл к помойке, выкидывать бутылку.

В это время Х5, как раз вкатился во двор, аккуратно объехал ограждения и поравнялся с Егором.

– Браток, бутылочку не выбрасывай – услышал он за спиной.

Егор обернулся и задал вопрос самому себе – Неужели,

сдавая пластиковые отходы можно накопить на «Х5»? -

Егор протянул бутылку. «Кожаная куртка» взял пластиковый сосуд, повертел в руках и швырнул в помойку.

– Крышка где? –

– Какая крышка? – не понял Егор.

– Понятно – ответил амбал. – Залезай, прокатимся. –

– Да вы чего мужики? Вы меня с кем-то путаете. -

– Путают, путаны, а мужики ошибаются. Но и это не про нас. –

– Да что ж сегодня все фразеологизмами-то сыплют? Одни гуманитарии кругом, а я с аэродинамикой связался – успел подумать Егор, прежде чем «кожан» сделал едва уловимое движение рукой и в то же мгновение, Егор почувствовал, как у него резко оборвалось дыхание, ноги сделались ватными, и тело стало заваливаться вперёд. Мужчина, нежно обхватил его, и, развернувшись на сто восемьдесят градусов, слегка присел и кошачьим движением, закинул в проём задней двери, предусмотрительно открытой его напарником, который услужливо придерживая дверь, походил скорее на швейцара дорого отеля, чем на злодея. После чего оба проворно заскочили каждый на своё сидение. Двери закрылись, и автомобиль, выехал из двора на Ленинский проспект, где, словно, выпущенный из стоила, племенной конь, почувшый запах свободы, стремительно набирая скорость, понёсся в сторону МКАДа.

– Ну, что, ожил? -

Егор открыл глаза, щурясь от яркого света обнажённой лампочки свисающей с потолка, различив знакомое лицо мужика в кожаной куртке, что расположился на стуле напротив него. Попытался пошевелить пальцами рук, которые оказались, скованные наручниками за спинкой стула, от чего конечности занемели и потеряли чувствительность. Ноги также были связаны в щиколотках и начинали мёрзнуть. – Наверное подвал – подумал Егор. Огляделся. Небольшая комната без окон. Стены и потолок, выкрашенные белой краской. Пахло свежим струганным деревом и краской. Откуда-то из-за пределов комнаты, слабо доносился гул работающего электроинструмента. У стены заметил фигуру ещё одного мордоворота, который безучастно взирал на него.

– Так, где крышечка-то? – спросил «кожаный».

– Какая ещё крышечка? –

– От бутылочки! –

– В колодец нечаянно упала – ответил Егор, сообразив, о чём идёт речь.

– В какой ещё колодец? –

– Во дворе –

– Угу. У тебя миллион евро в колодец нечаянно упал, и ты даже не попытался его достать? –

– Какой ещё миллион евро? –

– Тебе же «кукла» сказала, что под крышкой промокод на миллион. Ты чего дурачка-то ломаешь? -

Егор сглотнул слюну. – Вы это серьёзно? –

Мужик хлопнул себя ладонями по коленям. – Руслан, ты слышал? – повернулся он к напарнику, который так и стоял у стены, за всё это время, ни разу не пошевелившись. – Он по ходу действительно не в курсе или как...? -

Руслан молча пожал плечами.

– У нас там – кивнул «кожан» в сторону двери. – Мастеровой один трудится. Зодчий. Оператор деревообрабатывающего станка. Большой мастер своего дела. Левша можно сказать. Он из тебя может резных наличников понаделать по твоим же эскизам. Бумагу с карандашом дать? Ты не сомневайся. Один в один исполнит. Очень ответственный человек.

– Да, правда, нет у меня крышки – взмолился Егор. – Я думал, она так...пошутила, девушка эта...промоутер. В колодце ваша крышка. В колодце. Честное слово. -

– Руслан, ты ему веришь? – снова обратился «кожаный» к подельнику.

Тот похрустел суставами пальцев и ничего не ответил.

– Тебя как зовут? – мужик снова перевёл взгляд на Егора.

– Егор –

– Учишься, работаешь? –

– Учусь... в МАИ –

– У-у-у. Инженер значит. -

– Типа того –

– Ну вот, я тебе работу по специальности нашёл. Ты же не против? –

Егор помотал головой в разные стороны.

– Ну, вот и славно. Ни о чём не беспокойся. На работу мы тебя сейчас отвезём. Да Руслан? –

Руслан кивнул головой.

– А телефончик твой пока у нас побудет. У тебя всё равно руки заняты – добавил «кожаный».

После чего разрезал верёвки на ногах Егора. Зашёл за спину и расстегнул наручники. Егор встал, разминая затёкшие руки.

Мужик снова надел на него наручники и, достав из кармана чёрный платок, завязал ему глаза.

– Ну, пойдём, инженер. –

Егор, определил, что они вышли из комнаты, поднялись по небольшой лестнице, вышли на улицу, сели в машину и автомобиль тронулся.

Немного придя в себя, на мягком сидении, Егор начал судорожно соображать:

– Значит, Дарья, действительно дала мне призовую бутылку? Почему мне? Почему не взяла себе? Почему вообще... –

Тысячи, почему, одновременно вспыхнули в голове бедного Егора.

Поняв, что здесь и сейчас он всё равно, не найдёт ответа ни на один из этих почему, закрыл глаза пытаясь заснуть.

Егора проснулся от того, что машина резко остановилась. С удивлением узнал свой двор. На город уже опустился вечер, и казалось, что очертания домов, деревьев, машин растворяются на глазах, погружаясь в прохладные осенние сумерки.

Откуда-то из глубины послышалась знакомая мелодия. Егор по инерции сунул руку в задний карман. Не удалось. Наручники. Осознание происходящего обрушилось на него волной.

«Кожан» достал из внутреннего кармана смартфон посмотрел на экран и повернулся к Егору.

– Мама звонит -

10

– Да, бабулечка, привет. –

– Хорошо всё. А у тебя как? –

– Покушала. А ты? –

– Нет. Мама сегодня поздно будет. Они сегодня номер сдают.

– Нет. Никто не обижает, а тебя? –

– Пиратка охраняет? –

– Да. Он такой. –

– И я очень соскучилась, бабулечка. –

– Да. –

– Собираемся. В эти выходные. Мама как раз свободна. -

– А на машине надо? –

– Банки накрутила? –

– Хорошо. Я скажу маме. –

– Шарф с варежками? Не, бабулечка, рано ещё. –

– Люблю тебя очень. –

– Да. Пока. До выходных. –

Дашка бросила телефон на кресло и плюхнулась на диван.

Взяла пульт и включила телек. Большая светлая трёхкомнатная квартира на последнем этаже семнадцатизэтажки в Медведково нравилась Дашке. Она уже успела к ней привыкнуть, с тех пор как почти три месяца назад переехала к матери. Тогда она с удовольствием отметила, что высокий красивый дом находится рядом с шоссе, по которому они приехали в Москву из Климцева. Осознание постоянной близости к некой «ниточке», связывающую её с прошлой жизнью, успокаивало. Единственное, чего боялась, Дарья, так это смотреть в окно.

В деревню, они с матерью ездили почти каждые выходные, за исключением, тех что Анна, была вынуждена проводить на работе, и того раза, когда они ходили в театр. Один раз даже пришлось ехать на поезде, потому, что, подошёл срок очередного ТО, а на станции техобслуживания всё свободное время на буднях уже было расписано. Дашка была в восторге. На поезде ей понравилось гораздо больше, чем на машине, а Анна, когда вернулись домой, сказала, что её уже тошнит от этого вокзала, и больше она на поезде никогда не

поедет. И её можно было понять.

Несмотря ни на что, Дашка, очень любила свою мать, хотя кому-то на первый взгляд могло показаться, что легкомысленная Анна, бросила своего ребёнка на попечение бабушки, в угоду столичной жизни. На самом деле это было не так. И даже не потому, что Анна, при первой же возможности, мчалась в Климцево, к матери и дочери отказываясь от любых других вариантов, а просто потому, что порознь живут, не только из-за предательства и измены, а ещё и потому, что для кого-то, жить в разлуке – это просто такая жизнь. Не судите, да не судимы будете.

На эту квартиру, Анна копила с самого первого дня, как только устроилась на работу. До этого жила на съёмных квартирах «в складчину» с такими же «понаехавшими», как она, терпеливо, месяц за месяцем, год за годом, мечтая именно о «трёшке», чтобы им не было тесно. Но, когда выяснилось, что баба Катя категорически отказывается продавать их старый дом и переезжать в Москву, менять планы уже было поздно. Хотя вернее было бы сказать, что поменять планы можно всегда, но никогда нельзя изменить мечту.

По телевизору шёл хоккей. Болеть за «Локомотив», Дашку «научил» её школьный учитель Михаил Иванович. Ярославль безнадёжно «сливал».

Дашка выключила телевизор и пошла на кухню. Достала из холодильника яблоко, обтёрла об себя и откусила. Пожевав несколько секунд, выплюнула в помойное ведро. Обре-

зав ножом, место укуса, достала из выдвижного ящика рулон пищевой плёнки, зубами оторвала кусок и завернула в него яблоко. – «Мать на работу возьмёт» – решила про себя. Убрала плёнку, помыла нож и «прилепила» его к магниту на стене. Достала из холодильника пакет молока, хмуря брови, внимательно исследовала выражение лица коровы изображённой на упаковке, взболтала и, посомневавшись несколько секунд, засунула вместе с яблоком

обратно в холодильник и закрыла дверь.

Решила было пойти во двор, но передумала. Устала за сегодня, намаялась. Прилегла на диван и задремала.

Проснулась когда, сквозь сон слышала как, вернулась с работы мать. Почёсываясь, вышла сонная в коридор встречать.

– Ой, соня проснулась – расцвела Анна.

Дашка подставила макушку под поцелуй, для чего пришлось низко нагнуть голову.

– Привет – зевая пробормотала Дашка. – Сдали номер? – приняла сумку и потащила на кухню.

– Сдали. Куда было деваться. –

– Бабуля звонила... -

– Я знаю. Я разговаривала с ней. –

– В субботу поедем, или завтра вечером? – поинтересовалась Дашка из кухни.

– Посмотрим! – донёсся ответ из ванной сквозь шум льющейся из крана воды.

– О! Курочка! – воскликнула Дашка, доставая из сумки пакет с курицей-гриль завернутой в лаваш. Ты, мамулечка, мысли читаешь.

– И не только читаю – устало улыбаясь ответила Анна, проходя в кухню.

– А что ещё? -

Вместо ответа, мать подошла к Дашке и уткнулась лицом в волосы. Постояла так несколько мгновений, глубоко вдыхая, как будто ей не хватало воздуха, а Дашка была кислородной подушкой. Дашке нравился этот ритуал, потому что сразу после его исполнения с матери слетали последние следы усталости, и она выглядела отдохнувшей, беззаботной и помолодевшей. Хотя, в общем-то, молодеть ей было некуда. В свои тридцать семь Анна, могла дать фору тридцатилетним. Единственное, что отличало её от той семнадцатилетней девчонки прибывшей ранним утром на Ярославский вокзал, кроме пары морщинок в уголках глаз и отсутствия юношеской наивности во взгляде, то, что сразу после защиты диплома, Анна постриглась, и с тех пор так и носила короткую причёску. Но так ей шло даже лучше.

– Ножки мне, остальное тебе – хищно закусив язык, Дашка оторвала сочную бронзовую ляжку.

– Нет. Мне крылышки. – Анна Николаевна оторвала одно крыло и положила на тарелку.

– Как дела на новой работе? –

– А, нормально – откусывая куриную мякоть, ответила

дочь. – Сегодня в «Москве-Сити» была. –

– И как тебе? –

– Нормуль. «А над удолбанной Москвою в небо лезут леса» – пропела Дашка, увлечённо обгладывая косточку.

– Пожалуйста, Даша, не надо. Ты же знаешь я не люблю все эти песни – прервала её Анна.

– Дашка пожалала плечами – А по-моему, прикольно. –
Какое-то время ели молча.

– А у отца хорошие песни были? –

– Хорошие. –

– А про что? -

– В том то и дело, что не про что. -

– Как это? -

– Не знаю. Это теперь мне как филологу с опытом работы, понятно, что в этих песнях не было никакого смысла, а тогда мне казалось, что это было что-то невероятное. Они были как мантры. -

– А что это? -

– Что-то вроде молитв, заклинаний. Понять их можно было только трансцендентально. -

Дашка поперхнулась. Иногда мать, используя подобную терминологию, заставляла её врасплох – А это как? -

– Это понять, непонятно как. Извини за тавтологию. -

– А. Понятно. Ну, слова-то там какие-нибудь были?

– Конечно, были. -

– А записи какие-нибудь остались? –

– У меня нет. -

– Так про что пел-то? – не унималась Дашка.

– Про звёзды, про дороги, как правило, кольцевые или уходящие в бесконечную даль, что впрочем, одно и то же, про ветер, ночь, ну и про солнце конечно. -

– Прикольно. -

– Да уж, обхохочешься. -

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.